

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ОРИЕНТИР - НОВЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС

Автор: О. И. ШКАРАТАН

В публикуемых статьях продолжается обсуждение теоретических проблем, стоящих перед современной социальной политикой. Поводом для дискуссии стала статья Л. Якобсона "Социальная политика: коридоры возможностей" ("ОНС". 2006. N 2). В предыдущем номере журнала свои мнения о поставленных Якобсоном вопросах высказали Е. Сабуров, Н. Тихонова и Е. Аврамова. В данном номере журнала О. Шкаратан и Т. Сидорина предлагают свои варианты анализа отдельных аспектов вынесенной на обсуждение темы.

О возможности и границах реализма в социальной политике

Получив из редакции "ОНС" рукопись статьи профессора Л. Якобсона "Социальная политика: коридоры возможностей", я был обрадован и обращением столь авторитетного журнала к этой важной проблеме, и выступлением в качестве инициатора обсуждения высококомпетентного автора. Вызывают желание быть на стороне автора и сама постановка вопроса о реализме в выдвижении и решении социальных проблем, и постоянное обращение к фактору ресурсных ограничений, и стремление соизмерить желаемое и возможное, и его убежденность в необходимости "идти к более справедливой и эффективной системе перераспределения доходов, а также производства и распределения социальных благ".

Нельзя не согласиться с мыслью Якобсона: "Статистически доказано, что даже у экономистов, то есть представителей дисциплины, претендующей на наибольшую беспристрастность среди общественных наук, характер рекомендаций наиболее тесно связан с различиями в ценностных ориентирах, а не в результатах эмпирического анализа. Когда речь идет о социальной политике, эта закономерность проявляется, пожалуй, наиболее отчетливо" [Якобсон, 2006, с. 52]. Но далее совсем не из желания полемизировать хочется продолжить это суждение выяснением причин ценностных различий и у аналитиков, и у исследователей. И цепочка несложных построений приводит к мысли о расхождении социальных интересов социальных групп и их влиянии на ценностно-мотивационные предпочтения ученых. Ведь уж где-где, а в социальных науках с особой силой действует принцип В. Гейзенберга - принцип неразделимости исследователя и объекта

* Работа выполнена при поддержке Научного фонда Государственного университета - Высшей школы экономики (грант N 05 - 01 - 0044) и Российского гуманитарного научного фонда (грант N 04 - 03 - 00103а).

Шкаратан Овсей Ирмович - доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета - Высшей школы экономики (ГУ ВШЭ).

исследования. Поэтому, на мой взгляд, не может быть "сугубо позитивных исследований социальной политики". Признавая благородство намерений автора добиться "объективности подобных работ", я сомневаюсь в реальности таких интенций. Трудно отвлечься от объективно данного в природности социальной ткани отсутствия естественных эталонов сравнения, что и проводит непреодолимую грань между "ними", естествоиспытателями (*scientists*), и "нами", обществоведами (*scholars*).

Зато более чем спорны всякие пограничья между социальными науками. Никакими особыми преимуществами здесь не выделяется и экономика. Сошлось на авторитет такого выдающегося экономиста и социолога, как И. Валлерстайн. Рассматривая вопрос об анализе мировых систем, он пришел к выводу, что не существуют критерии "для сравнительно точного и разумного определения границ между... антропологией, экономикой, политологией и социологией... Все предполагаемые критерии - уровень анализа, предмет, методы, теоретические предпосылки - либо не оказываются верными на практике, либо являются барьерами для дальнейшего знания... Пришло время вырваться из этой интеллектуальной трясины, признав, что все эти четыре дисциплины - не что иное, как одна-единственная наука" [Wallerstein, 1987, p. 311 - 312].

Представляется, что на подходах и оценках Якобсона во многом сказалось осознанное стремление сберечь дисциплинарный пуризм экономиста. Он корректно отмечает, что институты социальной политики "не вписываются без остатка в предмет какой-либо отдельной дисциплины". Но тут же определяется с собственной позицией следующим образом: "Приходится делать выбор между (как правило, неявной) гипотетичностью допущений, с помощью которых принципиально многомерные реалии проецируются на плоскость внутридисциплинарного дискурса, и явной гипотетичностью выводов, получаемых, если такой плоскости не придерживаться" [Якобсон, 2006, с. 53]. Остается все же выяснить, кто же может быть признан специалистом в век обрушения исторически краткосрочных дисциплинарных границ.

Можно, как видим, не соглашаться с инициатором дискуссии по методологическим основаниям, но его никак нельзя упрекнуть в примитивном прагматизме и эмпиризме, доминирующих в отечественных опусах по социальной политике. И все же хотелось бы еще раз отметить, что при анализе сложнейших из доступных изучению систем - социальных - можно использовать только вероятностные конструкции. Поэтому предлагаемые всеми исследователями социальной политики модели объяснения не могут претендовать на бесспорность. Мы опираемся на формируемые нами узлы фактов и эмпирические обобщения, но предлагаем в качестве результатов некий набор гипотез. Установить, опровержимы ли наши гипотезы о характере социальных отношений, потребностях социальных групп и т.д. в современном российском обществе, представляет совместную задачу ученых и политиков с высокой вероятностью ошибки.

Следующий тезис, заслуживающий внимательного продумывания, сформулирован следующим образом: "Пока для основного массива литературы по социальной политике типично, скорее, сочетание реализма в идентификации проблем с максимализмом рекомендаций. Показательны, например, контрастные сопоставления неблагоприятных сторон российской действительности с зарубежными, например скандинавскими, реалиями, сопровождаемые выводом о необходимости изжить контрасты. При этом одни исследователи подразумевают революционное решение подобных задач, другие, скорее, указывают вектор желательных сдвигов. Тщательная же проработка ограничений встречается гораздо реже. Причем почти всегда это ограничения ресурсного, а не институционального характера. То есть едва ли не все проекты предполагают пластичность институтов, иными словами - исключительную широту коридоров возможностей" [Якобсон, 2006, с. 53 - 54].

Развивая этот тезис, Якобсон совершенно откровенно, открыто и недвусмысленно предлагает оптимизировать социальную политику государства, опираясь на учет некоторых не подлежащих пересмотру посылок. К ним он отнес: недопущение риска потрясений; неготовность государства идти на резкое перераспределение доходов и собственности; неготовность к радикальному переустройству экономических и политических ин-

ституты; несовершенство самого государства, не являющегося ни идеальной демократией, чутко отражающей настроения большинства граждан, ни автократией, способной проводить выбранный курс без оглядки на избирателей". И справедлива самооценка автора: "Данная постановка вопроса - в точном смысле оппортунистическая" [Якобсон, 2006, с. 54]. Правда, с присущей ему широтой притягивания и других позиций Якобсон тут же замечает возможную альтернативу - "бескомпромиссную критику и максималистские проекты".

Поскольку речь идет о поистине определяющих для судеб страны проблемах, то замечу следующее. Оппортунизм в данном случае есть выражение (возможно, и неосознанное) позиции одной из частей элиты, точнее - той ее части, которая с 1992 г. встревоженно изучала лишь один вопрос: не будет ли бунта, не исчерпан ли запас долготерпения социальных низов. Те системные ограничения, которые нам предлагаются, - полная гарантия стагнации, что противоречит интересам и других группировок в самой правящей элите, и средних слоев, и динамичной части низов.

От обсуждения идей вдохновителя наших дебатов перейду к изложению собственной позиции. Когда дебатировался вопрос о характере социальной политики, ее направленности, ее ресурсных ограничениях, то, хотим мы того или не хотим, следует обратиться к недавнему, а иной раз и к давнему прошлому той страны, того государства, того общества, где проводится и будет проводиться эта политика.

Речь не о том, что обращение к прошлому связано с желанием дать моральную или какую-либо иную оценку прошлому. Это не связано и с желанием всесторонней оценки прошлого, присущей полноценному историческому анализу. В первом случае, как правило, ожидается ответ на вопрос "кто виноват?" - достаточно традиционный для отечественной культуры, и отсюда второй вопрос - "что делать?". Хотя, честно говоря, из выяснения того, кто виноват, никак не следует понимание того, что нужно делать. Речь идет совсем о другом.

Российская "case history" и решение задач социальной политики

Известно, что существенное отличие хорошего врача от плохого - восприятие пациента в первом случае как индивидуальности, а во втором - как объекта приложения стандартных методов лечения. В первом случае, то есть у хорошего врача, предпосылкой принятия решения о лечении является составление эпикриза на основании детального анализа истории болезни (более характерна английская версия - *case history*). Социальные организмы также обладают своей "case history". Вот почему и необходимо достижение консенсуса в понимании нашей российской "case history". А это может существенно повлиять на представления об ограниченности ресурсов, об их структуре и т.д.

Итак, прежде чем обсуждать социальную политику как таковую, следует определиться с оценкой типа сложившейся (или складывающейся?) особой исторической социально-экономической системы, функционирующей в современной России. Как только возникает такой вопрос, то очевидно, что на него нет простого ответа. Моя позиция по этому поводу была изложена, в частности в [Шкаратан, 2004^a, с. 49 - 62]. Ее суть состоит в следующем. На разных исторических этапах и тем более в наше время существовали и существуют одновременно разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Советский тип общества, так же как и современное российское, это некая данность - с особыми институциональной структурой и системой ценностей, относящимися к другому типу цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) модели по институциональной структуре и системе ценностей.

В основу моего подхода к проблеме социального порядка в постсоветском обществе положена концепция, согласно которой общественное устройство современной России рассматривается как прямое продолжение существовавшей в СССР этатристической системы, первооснову которой составляли отношения типа "власть-собственность", социальная дифференциация носила неклассовый характер и определялась рангами во

властной иерархии. Общественное устройство современной России не просто прямое продолжение советско-коммунистической этакратической системы. Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны - носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества (более полное обоснование см. [Миронов, 2000; Шкаратан, 2004⁶]).

В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, Россия, как, впрочем, и ее восточные соседи, после значительных колебаний исторического маятника (конец 1980-х - начало 1990-х гг.) осталась по существу тем, чем она была ранее. В постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм с присущими ему слитными отношениями "власть-собственность", которые получили частнособственническую оболочку, но по сути остались неизменными. В этой социально-экономической системе сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда. Этот тип социальной стратификации устойчиво воспроизводится с начала 1990-х гг. Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества.

Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации на новый этап ее эволюции. Этакратизм приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского (номенклатурно-бюрократического) квазикапитализма, а не демократического, социально ориентированного капитализма как, скажем, в Чехии, Польше, Словении, Эстонии.

Политический контроль за ходом экономических и социальных реформ оказался в руках динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Б. Ельциным и В. Черномырдиным + К⁰ (Ю. Петров, В. Шумейко, Ю. Скоков, О. Лобов и т.д.). Придя к власти, они занялись не созданием новой государственной системы, отделенной от собственности, но реорганизацией прежней. Вот почему старые властные структуры и номенклатура были интегрированы в новые институциональные образования. Вскоре начавшаяся приватизация трансформировала прежнюю номенклатурную собственность в разнообразные полугосударственные формы и тем самым в значительной мере обезопасила номенклатурных хозяев от притязаний других социальных групп. В ходе реформ административно-командная номенклатура, единственная социальная группа советского общества, обладавшая осознанными интересами и самоидентификацией, сохранила контрольные позиции во власти, закрепила в процессе приватизации за собой преобладающую часть государственной собственности и трансформировалась в крупную квазiburжуазию. Были сорваны все попытки проведения неноменклатурной, не контролируемой политически властвующими группами приватизации. К выгоде политикообразующего бизнеса были законсервированы отношения неполной приватизации, непрозрачности отношений собственности. Средний и малый бизнес был вытеснен на периферию экономики, где стагнировал на протяжении всех 1990-х - начала 2000-х гг.

Сказанное не означает, что наблюдающиеся в современной России тенденции этакратической реставрации (или репродукции этакратизма) лишают страну возможности создавать инновационную (информационную) экономику. Присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых заимствований с Запада при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур неоднократно наблюдалось в истории России со времен Петра I. Другими словами, речь идет о том, что можно создавать информационную экономику при сохранении архаической социальной и политической "оболочки". Другое дело, что такие тенденции являются формой утверждения набора ценностей и принципов существования, альтернативного по отношению к развивающемуся глобальному рынку и демократическому мировому сообществу. Страны,

создающие инновативную экономику, но сохраняющие этикратические социальные институты, неизбежно становятся фактором вызова оптимистическим перспективам информационной эпохи.

Из сказанного следует, что общество описанного типа не может в решении задач социальной политики опираться на опыт стран с другой социально-экономической и социально-политической архитектурой. Из чужестранного опыта можно позаимствовать лишь частности, но не принципы. Анализ получивших развитие в современном мире и обобщенных в специальной литературе типов социальной политики лишь подтверждает необходимость конструирования собственной национальной модели [International... 2001; Social... 2003; Welfare... 1996].

Не всем сестрам по серьгам

Социальная политика, конечно же, не может выражать в равной мере интересы всех социальных групп. Это очевидное, базисное утверждение спекулятивно отрицалось идеологами "реального социализма", когда невиданная по наглости защита интересов номенклатурных групп прикрывалась псевдозаботами о "простом человеке" [George, Manning, 1980]. В последние годы мы наблюдаем ренессанс такого же сочетания реальной и декларируемой социальной политики.

Возьмем, казалось бы, вполне академический случай с оценкой среднего класса в современной России: здесь все дискуссионно - есть ли вообще этот класс; если есть, то каковы его масштабы; а может быть, существует не один средний класс, но есть разные средние классы, и т.д. С моей точки зрения, это ключевая проблема для понимания характера нашей социальной политики и ее обоюдоострости с точки зрения судеб и перспектив развития России.

Одно дело, если мы принимаем точку зрения, что у нас в стране доминируют низшие слои, которые находятся в состоянии перманентной бедности, пусть и не в такой страшной, как десятилетие назад, сохранились и в региональном, и стратификационном смысле очаги застойной нищеты, получила развитие культура бедности [Мелин, 2000]. В то же время можно принять и точку зрения, согласно которой у нас с высокой степенью быстроты все более развивается средний класс (средние классы), достигающий по некоторым подсчетам значимой численности [Малева, 2003]. Но когда мы говорим о средних классах (среднем классе) и даже принимаем позицию оптимистов, что со средним классом у нас все более или менее в порядке и он у нас есть, что "средних" у нас довольно много и становится все больше, возникает довольно острый вопрос: а что за тип "средних" вырос и развился в стране за годы приватизации по-российски?

И тут невольно вспоминается, что в современном постиндустриальном мире в качестве признака благополучия страны рассматривается не динамика среднего класса вообще, а динамика так называемого "нового среднего класса", под которым, как известно, понимают лиц, занятых в информационной экономике, включающей и высокотехнологичные отрасли промышленности, и все в большей мере отрасли информационных технологий, связанных с созданием новой информации, ее переработкой, распространением и применением (исследователи, врачи, преподаватели и другие профессионалы, а также менеджеры). Речь идет о том, что этот новый средний класс занят продуктивной деятельностью, обеспечивающей функционирование высокоэффективных современных национальных экономик [The Middle... 1998; The New... 1995].

Конечно, в России начала 2000-х гг. в составе обеспеченных средних слоев присутствуют частнопрактикующие адвокаты, учителя частных школ, программисты, инженеры эффективно функционирующих частных и государственных предприятий, некоторые категории университетской профессуры, особенно занятой в сфере бизнес образования, которые как функционально, так и по ресурсной обеспеченности и образу жизни могут быть сопричислены к новому среднему классу. Глубинные интервью, проведенные в 2004 - 2005 гг. аспирантом ГУ ВШЭ И. Ивановым и группой студентов ГУ ВШЭ в Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Нижнем Новгороде, и ряде других городов,

дали некоторое представление о наличии преимущественно в Москве такого типа людей [Шкаратан, 2005]. Специальный репрезентативный опрос, проведенный под руководством Н. Тихоновой, также выявил присутствие подобного типа социальных персонажей на социальной сцене России [Россия... 2004]. Новый средний класс несет креативно-продуктивные функции, его ядро образуют креаторы, инноваторы. В то же время он не лишен здорового консерватизма, не склонен к общественным потрясениям и выполняет не только роль стабилизатора, но и функцию укрепления в обществе интегративных процессов и ведущего актора в деле становления и развития социального партнерства. Кроме того, он обычно принимает и задает образцы (модели) потребительского поведения. В основе его относительной устойчивости - институт профессий, через который воспроизводятся человеческий, культурный и социальный капиталы как профессионалов, так и менеджеров [Кивинен, 2004].

Однако проблема в пропорциях, которые пока складываются явно не в пользу "нового среднего класса". В составе двух третей населения страны, пребывающих в бедности и нищете, порядочную долю составляют несостоявшиеся кандидаты в средний класс: основная масса врачей, учителей, инженеров, профессоров и исследователей. Конечно, часть из них не выдержала теста на профессионализм в условиях рынка, но значительные группы оказались в аутсайдерском положении, за пределами своего естественного социального окружения в силу характера проводившейся на протяжении постсоветского периода государственной политики.

Для общества, основанного на сырьевой экономике, не нужен средний класс, образующий большинство населения страны и занятый инновационно ориентированной деятельностью. Сторонники оптимистической оценки проведенных в России реформ вопрос о "качестве" нашего среднего класса не обходят. Они просто вносят своеобразную струю в оценку, говоря о том, что у нас есть свой специфический средний класс, не такой, как на Западе. Определяющими они считают такие показатели, как доходы, накопленное имущество, характер досуговой и рекреационной деятельности и т.д. Вправе наши коллеги так рассуждать? Конечно, почему бы и нет. Это их точка зрения [Средние... 2003].

Однако обратим внимание на те процессы в жизни, которые все чаще именуются некоторыми обществоведами, особенно политологами, как процессы саудовизации России. Эти процессы существенно преобразили состав средних слоев. Мы ведь имеем не только и не столько "старый средний класс" (в другой терминологии - "мелкая буржуазия"). "Старый средний класс" характеризуется как наличием частной собственности, так и продуктивной деятельностью в добывающих и трансформационных отраслях экономики, в бытовых, распределительных и социальных услугах.

Учитывая реальное состояние российской экономики, где основным формирующим ВВП компонентом выступают сырьевые отрасли, мы получаем в добавление к традиционному еще один весьма специфический "средний класс". Это, по арифметическому большинству, мелкие предприниматели и наемные работники сервисных отраслей, связанные с инфраструктурой сырьевого бизнеса, включая банковские услуги и т.д., обслуживанием нужд топ-менеджмента и среднего менеджмента этих же отраслей, а также государственных и муниципальных чиновников, чьи официальные и неофициальные доходы целиком сопряжены с теми же отраслями. Наблюдения, интервью и приводимые в прессе не всегда надежные, но тем не менее близкие к истине данные показывают опережающий рост в составе срединных групп (если брать уровень жизни, включая как доходы, так и наличие движимого и недвижимого имущества) работников частной охраны, прислуги, работников сервиса, специализирующихся на обслуживании экономической и чиновничьей элиты, и т.д. Так, профессор Б. Ключников оценивает численность частных охранников в миллион человек [Ключников, 2005, с. 84]. Это еще одна составляющая силовых структур нашего общества. Только тут не государственная структура, и она представляет определенную общественную опасность при таком изобилии ее представителей.

Численное преобладание подобных средних слоев (или среднего класса) характерно для тех стран третьего мира, чей ВВП основан на доминировании сырьевого компонен-

та. Я бы определил такие группы населения в России, которые в социологических исследованиях по потребительским характеристикам справедливо относимы к средним, с учетом их функциональных характеристик как паразитический "новый средний класс", или, если применить иную терминологию, "средний класс, средние слои компрадорского типа". За дефинициями дело не стоит. Важное значение имеют ценностно-мотивационные характеристики этих компрадорских средних слоев, их неадекватность развитию нашего общества в сторону постиндустриальности, информационной экономики и т.д. Очевидно, что такого типа слои служат социальной опорой консервации экономики компрадорского типа, экономики сырьевого придатка стран, входящих в центр Мир-системы. С таким "средним классом" Россия может лишь стагнировать, погружаясь во все большую отсталость и оказываясь в полной зависимости от экономически развитых стран и транснациональных корпораций.

Я убежден, что эти слои могут быть нейтрализованы при проведении политики модернизации только в государственно организованной форме твердого (а не мягкого) авторитаризма развития. Сказанным не исчерпываются необходимые предпосылки для понимания "коридора возможностей" социальной политики. Если исходить из принципов, что любой заметный шаг от устоявшегося за годы позорного эльцинизма направления движения страны в сторону периферии третьего мира есть неизбежность и что другого не дано, то, увольте, я бы не хотел такого будущего для России, для ее молодежи, для всего мира, который привык воспринимать Россию как цивилизационную уникальность, исчезновение которой обеднит весь мир.

Важным стратегическим направлением долгосрочной социальной политики является обеспечение предпосылок социальной устойчивости общества. Эту задачу приходится решать в условиях застойного воспроизводства смешанного сословно-статистического и лишь отчасти классового общества с массой драматических конфликтов. Речь здесь необходимо вести прежде всего о направленной политике преодоления доминирования корпоративного псевдокапитализма с определяющей ролью постсоветской неономенклатуры; об ограничении чрезмерной социально-экономической дифференциации (децильный коэффициент, по заниженным официальным данным, - 13 - 15, при оптимальном в диапазоне 6 - 8); о политике поддержки новых продуктивных групп средних и мелких собственников, менеджмента и профессионалов, то есть тех, кто образует социальные компоненты **нового** среднего класса (классов).

Только представители средних слоев (среднего класса) постиндустриального типа становятся опорой и гарантом структурных изменений в экономике и обществе. Они обладают высокой адаптивностью, значительными социальными притязаниями, социальной активностью и интенцией к ориентации на легальные способы ее проявления. Для них приоритетами являются поддержание социально-экономической динамики, то есть экономического роста, эффективной занятости, перспективы роста реальных доходов, снятия различных преград для повышения социального статуса. Именно интересы и социально-экономические ожидания нового среднего класса (несмотря на его, к сожалению, малочисленность) должны быть ориентиром программы динамичного стабильного развития России и, соответственно, эффективной социальной политики.

Было бы неперспективно (если не опасно) отдать предпочтение интересам элитно-олигархических групп, соединяющих обладание собственностью в размерах, сопоставимых с крупнейшими западными корпорациями, и средствами властного влияния на национальном уровне, и того "золотого миллиона" нуворишей из компрадорских средних слоев, которые образуют социальную опору неозастоя в стране. Столь же бесперспективно ориентироваться на позиции социально слабых групп. Это не означает игнорирования чьих-либо групповых интересов; речь идет о приоритетах и ориентирах.

Основой социальной политики должны стать поддержка сильных, жизнеспособных групп и защита слабых, неприспособленных, не имеющих достаточных средств для успешного существования в жестких условиях рыночной экономики. Вместе с тем один из важных моментов стратегии развития - установка на повышение профессионализма, самоотдачи, проявление инициативы, то есть тех качеств соотечественников, которые

всегда были предметом гордости России и которые могут обеспечить ее возвращение на уровень передовых высокоразвитых стран. Успех реализации интегрированной социально-экономической политики будет предопределяться совпадением перспективных интересов власти и основных, наиболее активных групп российского общества.

Расширение коридора возможностей, хотим мы того или не хотим, не может быть проведено на основе принципа кота Леопольда "Ребята! Давайте жить дружно". В любом варианте будут если не пострадавшие, то недовольные, чьи интересы (по крайней мере, в их субъективном восприятии) будут задеты. Ведь расширение коридора возможностей - это прежде всего проблема увеличения ресурсной базы, включая не в последнюю очередь финансовые ресурсы.

Ресурсы и возможности

Рассмотрим потенциальные возможности оптимально сбалансированного решения на примере такого болезненного, но определяющего для судеб страны вопроса, как вопрос о легитимации приватизации государственной собственности. Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. Судя по опыту наших восточно-европейских соседей, можно было ожидать, что в стране начнется переход к подлинно частной собственности, к чисто рыночному ее перераспределению. В жизни процесс пошел преимущественно по другому пути. Реальным приоритетом нового постсоветского режима стала политика концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближайшему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), "теневикам" и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа - ваучерный и залоговых аукционов. И если характер проведения первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992 - 1993 гг., то залоговые аукционы - в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Без всяких обоснований предполагалось, что эти нувориши каким-то образом одномоментно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров [Hedlund, 1999; Лэйн, 2000; Голдман, 2005].

Однако и в пределах предопределенного варианта развития были возможности увеличить долю неноменклатурной приватизации, обеспечить хотя бы частично рыночное распределение собственности. Известно, что к началу реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 трлн руб. Все основные фонды страны оценивались тогда в сумме 2 трлн руб. Готовность владельцев этих средств вложить их в акции или в прямой выкуп государственных предприятий оценивалась экспертами в 300 - 400 млрд. руб. Иными словами, если бы не конфискация сбережений в первые месяцы 1992 г., "15 - 20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992 - 1993 гг. выкуплено, т.е. приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги... Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности - раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам" [Шмелев, 1996, с. 65 - 66].

Россия оказалась чемпионом мира по скорости проведения приватизации, А. Чубайс совместно с другими организаторами этого процесса и стоявший за ними президент Ельцин этим гордились и выдавали за великий успех. Но они обычно скромно умалчивали о символических суммах, полученных за проданные предприятия. В частности, в течение 1992 - 1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов, за которые Россия получила 9 млрд. 250 млн. долл., или в среднем по 69,5 тыс. долл. за каждое [Устинов, 2001].

В те же 1990-е гг. приватизацию проводили многие страны мира, в которых государственная собственность в экономике исторически никогда не занимала преобладающего положения. Все они получили от ее реализации огромные доходы. Так, Бразилия в 1990 - 1998 гг. от приватизации получила 66,7 млрд. долл., Великобритания - 66 млрд, Италия - 63,5 млрд, Франция - 48,5 млрд, Япония - 46,7 млрд, Австралия - 48 млрд. долл. Даже маленькая Венгрия, где государственная собственность была намного меньше российской, в эти годы получила от ее приватизации на 2,1 млрд. долл., или в 1,6 раза больше, чем Россия. Наша страна, приватизировавшая в течение 1990 - 1998 гг. собственности больше, чем все другие государства, по доходам от ее реализации заняла среди них всего лишь 20-е место. От приватизации на душу населения в России пришлось всего лишь 54,6 долл., в то время как в Австралии - 2560,3 долл., Португалии - 2108,6, Венгрии - 1252,8, а в Италии и Великобритании более чем по 1100 долл. Доходы от приватизации на душу населения в подавляющем большинстве стран в десятки раз превышают российские [Устинов, 2001].

В большинстве постсоциалистических стран к западу от России процесс приватизации шел последовательно, без поспешности, переходя от одной стадии к другой. Возьмем в качестве примера Польшу. Как отмечает академик В. Полтерович, вопреки распространенному (в России) мнению, реформы в Польше, наиболее успешной из стран с переходной экономикой, отнюдь не были "шоковой терапией". В течение первых двух лет реформ только 11% польских государственных предприятий подверглись коммерциализации или приватизации. В России за аналогичный период 62,5% всех предприятий и организаций оказались в частной собственности. В Польше правительство вначале выставило на продажу пять (!) предприятий, высокоприбыльных и руководимых квалифицированными менеджерами.

В 1993 г., когда в России началась чековая приватизация, по мнению этого высококомпетентного автора, в стране не было ни предпринимателей, способных приобрести предприятия, ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. Ко всему прочему добавились криминальная обстановка, продажность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли.

"Была ли возможна менее затратная стратегия? - задает вопрос Полтерович. - Я склоняюсь к положительному ответу на этот вопрос. Приватизации должна была предшествовать коммерциализация. Начинать следовало с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизацию средних по размеру предприятий надо было отложить на 5 - 6 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20. Вложив средства и усилия, затраченные на приватизацию, в совершенствование управления государственными предприятиями, можно было избежать и спада в 40% ВВП, и проблем нелегитимности частной собственности, которые терзают нас до сих пор". К этому выводу он добавляет: "...и эксперты, и, тем более, политики должны принимать во внимание предпочтения граждан, а не только свои собственные. Весьма правдоподобно, что подавляющее большинство россиян предпочло бы уменьшить общественные потери от приватизации ценой некоторого увеличения "риска возврата" (прежней советской системы - *О. Ш.*). На мой взгляд, этот риск в начале 1992 г. был незначительным" [Полтерович, 2005, с. 10 - 11]. Вспомним также аналогичные оценки опыта Польши экс-вице-премьера Г. Колодко [Колодко, 2001, с. 67 - 71]; детальный анализ опыта стран Балтии, родственного польскому, провел наш отечественный автор Р. Симонян [Симонян, 2003, с. 204 - 227; Симонян, 2004, с. 23 - 42].

К суждениям Полтеровича я бы добавил следующее. Чтобы адекватно реагировать "гражданам" на политику правящих групп, им и нужно бы стать гражданами, то есть социально структурированным гражданским сообществом россиян, а не населением, позволяющим манипулировать собой. Очевидно, кому именно было очень выгодно, чтобы было "не как в Польше". Это была номенклатура в своей доминирующей части с прис-

ными в виде рванувших к власти и собственности "мальчиков" из либеральствующей интеллигенции, ставшими идеологической и частично организационной службой номенклатуры. Кстати, в Польше траектория развития, если бы она зависела от номенклатуры, оказалась бы сходной с российской. Но в Польше было структурированное общество, там была контрэлита, сформировавшаяся в ходе противостояния 1970-х -1980-х гг., поддержанная независимой от власти католической церковью, там было по-настоящему массовое движение, объединившее рабочих и интеллигенцию, за переход к частной собственности и демократии.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Подчеркивалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. Размышляя о феномене ускоренной приватизации, уже упоминавшийся видный польский экономист Колодко подчеркивает, что "...основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укреплении финансового баланса или повышения уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен" [Колодко, 2000, с. 199].

Сопоставление нравственно-психологической ситуации в России и в странах, "неспешно" и социально ориентированно проводивших приватизацию, явно и определенно не в пользу нашей страны. Вывод ясен. Так же, как ясен и ответ на вопрос: в чьих социальных интересах была устроена вся эта гонка по дележу национальных богатств.

В контексте обсуждаемой проблемы о перспективной социальной политике реминисценции по поводу прошлого оправданны, если следуют выводы-рекомендации, нацеленные в будущее. На мой взгляд, весьма убедительные предложения по поводу выхода из раскалывающей нацию постприватизационной ситуации высказал лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц. Во время своего визита в Москву в 2004 г., когда проявились уже все положительные и отрицательные стороны постсоветского развития страны, он отметил, что "сейчас приходится говорить о недостаточно законно проведенной приватизации, недостатке инвестиций, несправедливом распределении ресурсов. Проблема в том, что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду". В противовес российским неолибералам этот выдающийся ученый, бесспорный сторонник рыночной экономики, предлагает "восстановить веру в государство". Одной из задач государства он считает принятие "философии", заключающейся в том, что "естественные ресурсы принадлежат народу" [Стиглиц, 2004].

Его рекомендации состоят не в деприватизации. Он считает, что не нужно вмешиваться в вопросы права на собственность. В одной из своих статей, опубликованных в конце 2003 г., он предлагает, что в России "можно было бы ввести "чрезмерный налог на прибыль с капитала". Скажем, налог в размере 90% может быть установлен на "чрезмерную" прибыль, заработанную в результате приобретения государственной собственности. Это значит - на доходы, которые превышают 10% от суммы выручки от первоначальных инвестиций собственного капитала" [Стиглиц, 2003].

Следует при этом принять во внимание отмечаемое многими аналитиками различие между формальной легальностью приватизации и ее легитимностью. Легальность была обеспечена законами и указами президента. Легитимность же опирается на традиции, общественное мнение, устоявшиеся правовые нормы. Между тем данные общероссийских опросов общественного мнения раз за разом подтверждают отвержение большинством россиян легитимности разгосударствления собственности. По данным ВЦИОМ (ноябрь 2004 г.) и ROMIR MONITORING (декабрь 2004 г.) сторонников *status quo* по отношению к приватизации примерно 12% по обоим опросам; сторонников национализа-

ции крупных компаний - 43 - 53%. Как пишет Д. Орлов, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, лишь те, кто поддерживает "разные варианты "компенсации" и "возмещения" от владельцев корпораций бюджету (25 - 32,9% опрошенных), способны стать опорой для легитимации приватизации, которую могло бы принять общество на долговременной основе". Любые другие решения грозят социальным взрывом или экономическим хаосом [Орлов, 2005, с. 7].

Эта идея подтверждается и позитивным опытом других стран. Так, в Великобритании парламент в июле 1997 г. утвердил новый налог, который должны были выплачивать компании, получившие крупную выгоду от приватизации государственного имущества в 1980 г. Размер единовременной выплаты составил 23% от разницы между стоимостью приватизированной собственности в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г. Доходы в британский бюджет составили тогда 5,2 млрд. фунтов. По существу, это налог на незаработанные сверхдоходы. Ввести такой компенсационный налог в России было предложено партией Яблоко еще в 2003 г. Очевидно, что подобный налог - не только и не столько фискальная мера, а прежде всего инструмент решения двух проблем: сокращения аномальных масштабов социального неравенства; возрождения духа национальной солидарности, снятия социально-психологического напряжения, моральной и материальной компенсации за варварскую приватизацию, наконец, легитимации капиталов [Явлинский, 2004; Митрохин, 2005].

Как очевидно из приведенных данных и имеющихся в наличии рекомендаций, даже в таком задевающим интересы всех сограждан вопросе, как легитимация приватизированной государственной собственности, есть возможность проведения политики, которая могла бы быть поддержана большинством населения. Эта политика определяющим образом ориентирована на интересы перспективных средних слоев и не ограничивает потенциал позитивной деятельности крупных предпринимателей. Урон, по-видимому, понесли бы лишь компрадорские группы высших и средних слоев собственников. Как видим, скоростная "кривая" приватизация своим следствием имеет надобность поспешать, но без суетливости (к чему призывает Якобсон), однако и не без требуемого всей обстановкой динамизма, дабы не загонять социальное противостояние внутрь.

Другим ключевым вопросом социальной политики, имеющим принципиальное значение для перспектив национального развития, является характер и объем вмешательства государства в экономику, объем его социальных обязательств. Даже в США, которые обычно приводятся нашими неоллибералами как образец чисто рыночной экономики, по авторитетному свидетельству директора Института США и Канады РАН С. Рогова, все большее внимание уделяется развитию человеческих ресурсов: в общей сумме расходов федерального бюджета соответствующие затраты в 1990 г. составляли 49,4%, а в 2000 г. - 62%. Доля расходов на человеческие ресурсы в федеральном бюджете страны выросла с 4,3% ВВП в 1940 г. до 13% в 2005-м г. Устойчивый рост наблюдается в области государственных расходов на социальное обеспечение, здравоохранение, образование. "Существенно, что все эти секторы мало подчиняются правилам свободного рынка, законам спроса-предложения, не отличаются высокой ценовой чувствительностью и их поведение не описывается существующими экономическими теориями". Именно эти статьи федерального бюджета относятся к защищенным и ежегодно автоматически индексируются. Эту ставшую традиционной линию социальной политики продолжил и Дж. Буш-младший. Он провозгласил курс на "сострадательный консерватизм" и увеличил социальные расходы. В 2005 г. прямые выплаты гражданам из федерального бюджета США составили 1488 млрд. долл.; из них 858 млрд. долл. пришлось на выплаты по программам социального страхования, 539 млрд. долл. - на медицинское обслуживание, 27 млрд. долл. - на образование, 59 млрд. долл. - на пособия ветеранам. В государственных расходах, включая расходы на уровне штатов, затраты на образование составляют более 15%; на здравоохранение - около 20% (5,6 и 6,2% от ВВП, соответственно) [Рогов, 2005^a, с. 53 - 55, 61].

К данным по США Рогов добавляет аналогичные сведения по другим развитым странам мира. Он отмечает, что, несмотря на неоллиберальную волну, и в Западной Европе,

и в США достигнутый к 1990-м гг. "исторический уровень государственного вовлечения в экономику изменился весьма незначительно - всего лишь на несколько процентов ВВП" [Рогов, 2005^a, с. 59].

На данном этапе существования России только государство может обеспечить общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики. Как минимум, для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего бедность как массовое явление; недопущение отставания повышения пенсий от темпов инфляции; резкое увеличение государственных ассигнований на нужды образования, науки, здравоохранения; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств.

Для финансирования этих программ необходимо вернуться к прогрессивному налогообложению доходов, ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Опыт развитых стран убедительно показывает, что отлаженная система налогообложения (с учетом ренты) может предоставить государству огромные ресурсы для развития экономики и реализации социальных программ. Особенно большие резервы для пополнения государственного бюджета дадут изъятие в пользу общества доходов рентного характера от городских и пригородных земель в Москве и других мегаполисах [Гловацкая, Козлова, Лазуренко, 2005]. Кроме того, все еще не до конца упорядочены платежи за хозяйственное использование недр, которые вполне могут увеличить долю поступлений в бюджет страны. Именно рента от использования всех видов природных ресурсов, которая в сегодняшней России составляет 75% общего национального дохода, может послужить источником экономического подъема и социального прогресса страны [Кимельман, Андрюшин, 2005; Львов, 2004]. Конечно же, нужно резко повысить налог на дивиденды. Он составляет в России невиданную в мире величину - 6%. Даже в США, после усилий республиканцев во главе с Бушем-младшим по снижению этого налога, он составляет 15%; что уж говорить о странах Европы. Эти меры - условие уменьшения социальной дифференциации доходов и снижения социальной напряженности в обществе.

По мнению Е. Гайдара, Россия не имеет потенциала для дальнейшего расширения эффективного вмешательства государства в экономику, для наращивания налоговой нагрузки на экономику (34% в 2003 г.). В своих суждениях он опирается на анализ динамики налоговых ставок в развитых странах, где государственные расходы вышли на предельный уровень к началу 1980-х гг. [Гайдар, 2005, с. 485 - 498]. Но все эти страны строили свои экономики на предпринимательстве, а не на извлечении природной ренты. С учетом этого обстоятельства можно признать, что в России государство может и дальше повышать уровень своего участия в экономике при том условии, что вырученные от сырьевых ресурсов деньги будут использованы для развития инфраструктуры, диверсификации источников экономического роста, повышения социальной защищенности населения.

С учетом сказанного недостаточными представляются предлагаемые правительством для преодоления нищеты меры по обеспечению людям прожиточного минимума. Не говоря уже о надобности его резкого повышения, этот минимум нужно дополнить "системой минимальных социальных стандартов, включающей обязательные услуги системы жизнеобеспечения (свет, вода, тепло), здравоохранения, образования, культуры и системы поддержания общественного порядка" [Делягин, 2005, с. 70].

Между тем в феврале 2005 г. лоббисты крупного бизнеса вновь провалили в Государственной думе законопроект о введении дифференцированной ставки подоходного налога, который предусматривал снижение этого налога для малоимущих до 6%, а для самых богатых - увеличение до 30%. Напомню, что к тому же в России социальный налог, вопреки опыту цивилизованных стран, обратно пропорционален доходам различных групп населения. Налоговая система в стране построена таким образом, что примерно 70% налогов получают у нас с труда. Преимущественно бедное и уж во всяком случае не зажиточное население обеспечивает до двух третей доходов бюджетов всех уровней. Такая налоговая система способствует росту социально-экономической дифференци-

ции. Конечно, основную часть социальных налогов нужно собирать там, где сконцентрированы самые высокие доходы. Она должна формироваться в основном за счет собственности и высоких доходов. Введение в свое время единой ставки подоходного налога "явилось, по сути дела, признанием неспособности государства: правительство продемонстрировало, что не способно выполнять перераспределительные функции. Ни в одном из развитых государств нет так называемой плоской шкалы подоходного налога" [Рогов, 2005⁶, с. 85]. По данным ВЦИОМ (май 2005 г.), только четверть россиян считают такую шкалу налогообложения справедливой. Даже среди респондентов, высоко оценивающих свое материальное положение, считают ее справедливой только 42%. Большинство опрошенных (53%) не согласны с тем аргументом в защиту этой шкалы, что такой вариант налогообложения помогает вывести доходы "из тени".

Социальная ответственность правящей элиты

Основой изменения траектории развития может послужить понимание того ключевого обстоятельства, что на данном этапе развития страны, в данных историко-культурных обстоятельствах правительство может и должно сохранить правомочие воздействовать на бизнес, обладающий единственным стимулом - прибыльностью. Опыт администрации великого американского президента Ф. Рузвельта по вмешательству государства в экономику (не имевший ничего общего с советским тотальным этатизмом) может и поныне служить образцом для стран с нестабильной экономикой. К нормальной ориентации бизнеса на прибыль он добавляет принцип социальной ответственности, гарантирующий обществу относительную экономическую и особенно социальную стабильность на основе государственного регулирования частной собственности.

Общество, десятилетиями жившее в условиях директивно-плановой экономики и патернализма, не может естественным образом в немыслимо короткие сроки адаптироваться к столь резким переменам в окружающей среде лишь посредством спонтанных процессов социальной саморегуляции и самоорганизации. Обеспечение устойчивого развития страны с акцентом на изменения в качестве жизни и "человеческих качествах" (А. Печчеи) требует комбинации саморегулирования на основе рыночных сил и государственного регулирования [Manning, Shkaratan, Tikhonova, 2000].

Следует постоянно держать в памяти, что многое в истории и перспективах развития России задано. Мы никуда не уйдем от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии. Не уйдем от национальной культуры со следами влияний восточных культур, того, что многими историками называлось "взаимодействием леса со степью", влиянием монгольского ига и последующих воздействий кочевых народов, соприкасавшихся с русской оседлой цивилизацией. Можно вспомнить и более близкие времена: чрезвычайно позднее освобождение крестьянства и искусственное торможение ликвидации общинных отношений, практическое отсутствие в истории страны институтов гражданского общества. Можно также вспомнить о традиционности существования в стране крупнейших в мире предприятий, оправданных не экономически, а политико-организационно в условиях милитаризма. Все эти и многие другие не названные мной факторы, относящиеся ко всем сторонам жизни и складывавшиеся столетиями и десятилетиями, остаются с нами. Они укоренены в повседневность, и их нельзя не учитывать при выборе вариантов развития России.

В сложившихся в стране условиях необходимо формирование идейных, политических и нравственных ценностей, призванных заполнить посткоммунистический и постимперский нравственный вакуум, снять у россиян комплекс оскорбленного национального достоинства. Я согласен с А. Солженицыным, сказавшим, что надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, - и духовным и телесным спасением нашего же народа. Государственная политика, опирающаяся на солидарность нации, на устойчивую общность интересов основных социальных сил, исходящая из тра-

диционного для россиян понимания справедливости, может стать важным элементом строительства сильного национального социального государства.

Обсуждаемые идеи социальной политики обязательно должны иметь адресата. Но этим адресатом не во всех ситуациях и не при любой направленности будет действующая власть, ведь в любом случае власть не может быть всеядной. В расчете на такую всеядность (во многих случаях имитируя веру в благие намерения властвующих) действовали в своей основной массе обществоведы в благословенное советское время. И тогда, произнося или не произнося слова о коридоре возможностей, реально его учитывали. В переводе с дипломатического языка на обыденный сие означало: давать рекомендации, не задевая сословные интересы номенклатуры. До 1987 г. ни в одном из публично обсуждаемых документов никогда и речи не шло о правах и привилегиях властвующей номенклатуры. Тем более что в законодательстве и подзаконных актах, публикуемых для всеобщего обозрения, об этих правах и привилегиях не было даже упоминания. Закон, сформулированный Дж. Оруэллом: "Все равны, но есть равнее", все знали, но обсуждали на кухнях и в эмигрантских микроизданиях. По отношению к неономенклатуре этот закон вновь действует, но вроде бы обсудить его реализацию на практике и объяснить его социальные основы можно пока что и не на кухнях.

Представляется, что стремление построить будущность России как "великой сырьевой (прошу прощения - энергетической) державы" вполне соответствует, вероятно, творческим потенциям постсоветской элиты. В 1993 г. я с огорчением писал о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей "через три революции, две войны и сталинские казематы", в стране "с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чиновничество. Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет ей вести общество за собой. "Власть прозевала" - писал 23 июня 1941 г. академик В. И. Вернадский. Нечто подобное продолжает повторяться, что свидетельствует об утрате властвующими структурами способности оценивать действительность" [Шкаратан, Коломиец, 1993, с. 18]. Нет уверенности, что эта характеристика устарела.

Чрезвычайно важно учесть, что постсоветская элита не способна и не стремится представлять общенациональные интересы. Это связано, с одной стороны, с ее преемственностью по отношению к советской номенклатуре, а с другой - с отсутствием в стране, в отличие, например, от Польши или Чехии, традиций массовой оппозиционной деятельности и формирования групп контрэлиты в обществе. Неразвитость гражданского общества и правовой защищенности граждан привели к тому, что российской элите пока не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с трагическим обнищанием большинства сограждан, ее безразличие к судьбам отечественной науки и инновационной экономики объясняется синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный "набор" во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления социальной политики. *Дело за формированием таких сил в составе национальной элиты, которые смогут выразить интересы не неономенклатуры, а складывающегося нового среднего класса, и трансформировать авторитаризм застоя и выживания в авторитаризм национального развития.* И в этом наша основная проблема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.

Гловацкая Н., Козлова С., Лазуренко С. Развитие земельно-имущественных отношений в городе // Вопросы экономики. 2005. N 2.

Голдман М. Пиратизация России. Российские реформы идут вкривь и вкось. М, 2005.

Делягин М. Г. Россия после Путина. Неизбежна ли в России "оранжево-зеленая" революция? М., 2005.

Кивинен М. Средний класс в современной России // Мир России. 2004. N 4.

Кимельман С., Андриюшин С. Экономика рентных отношений в условиях современной России // Вопросы экономики. 2005. N 2.

Ключников Б. Ф. ВТО - дорога в рабство. М., 2005.

Колодко Г. Глобализация и намерстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.

Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.

Львов Д. С. Нравственная экономика // Свободная мысль. 2004. N 9.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от "хаотической" экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. N 1.

Малева Т. М. Социальные страты и социальная политика в современной России // Spero. 2003. N 1 (<http://www.spero.socpol.ru>).

Мелин Х. На пути к обществу рабочего класса: российская классовая структура в 90-е годы // Мир России. 2000. N 2.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVIII - начало XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества правового государства. В 2 т. СПб., 2000.

Митрохин С. Как олигархи могут возместить обществу ущерб от приватизации // Новая газета. 2005. 15 - 17 августа.

Орлов Д. Приватизация: легальность не равна легитимности // Известия. 2005. 14 апреля.

Полтерович В. М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Общественные науки и современность. 2005. N 5.

Рогов С. М. Функции современного государства: вызовы для России. Статья первая // Свободная мысль. 2005^a. N 7.

Рогов С. М. Функции современного государства: вызовы для России. Статья вторая // Свободная мысль. 2005^b. N 8.

Россия - новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004.

Симонян Р. Х. Приватизация по-прибалтийски и по-российски // Свободная мысль. 2004. N 5.

Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии. М., 2003.

Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. М., 2003.

Стиглиц Дж. Интервью российским СМИ. 2004 // <http://www.rusref.nm.ru/stvis.htm>.

Стиглиц Дж. Обложить олигархов налогами! / Перевод статьи из "Der Standart" (Австрия). 2003. 11 декабря // <http://www.rusref.nm.ru/indexpubstol.htm>.

Устинов И. Н. Приватизация по-российски // Политэкономия. 2001. N 11. 26 июня // <http://politeconomy.ng.ru>.

Шкаратан О. И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. Препринт. М., 2005.

Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004⁶.

Шкаратан О. И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004^a. N 4.

Шкаратан О. И., Коломиец В. П. Крах во спасение (Социально-генетические преступления советского режима) // Мир России. 1993. N 1.

Шмелев Н. Пять лет реформ - пять лет кризиса // Свободная мысль. 1996. N 7.

Явлинский Г. Путину пора определиться (Полная версия статьи, опубликованной в журнале "Форбс" 2004) // <http://www.yavlinsky.ru>.

Якобсон Л. И. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. 2006. N 2.

George V., Manning N. Socialism, Social Welfare and the Soviet Union. London, 1980.

Hedlund S. Russia's "Market" Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism. London, 1999.

International Social Policy. Welfare Regimes in the Developed World. Basingstoke-New York, 2001.

Manning N., Shkaratan O., Tikhonova N. Work and Welfare in the New Russia. Aldershot, 2000.

The Middle Class as a Precondition of Sustainable Society. Sofia, 1998.

The New Middle Classes. Life - Styles, Status Claims and Political Orientations. London, 1995.

Social Policy. Oxford, 2003.

Wallerstein I. World-System Analysis // Social Theory Today. Cambridge, 1987.

Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies. London, 1996.